

Къ Авдотѣ Павловнѣ Глинкѣ художникъ Е. А. Мамоновъ написалъ шуточный акаѳистъ, изъ котораго сохранились въ нашей памяти стихи:

Радуйся, сѣдыхъ кудрей ношеніе,
 Радуйся, Запада ненавидѣніе,
 Радуйся, Гегеля проклинаніе,
 Радуйся, Глинка преполовеніе!

Ө. Н. Глинка заподозрѣнъ былъ въ сочувствіи къ Декабристамъ, и даже послали его на нѣкоторое время въ ссылку въ Орловскую губернію. Будучи нѣкогда правителемъ канцеляріи Петербургскаго генераль-губернатора графа Милорадовича, Глинка, по высылкѣ Пушкина изъ Петербурга, печатно выразилъ ему свое сочувствіе, на которое тотъ отвѣчалъ чудесными стихами: „Когда средь оргій жизни шумной...“, а черезъ нѣсколько лѣтъ Пушкинъ надсмѣялся надъ нимъ въ стихахъ, посланныхъ князю Вяземскому, который напечаталъ ихъ въ „Русскомъ Архивѣ“ съ переменною вмѣсто „Өита-поэтъ, кутейникъ въ эполетахъ“, „Поэтъ-Глаголь, кутейникъ въ эполетахъ“. Глинка издавна перекладывалъ въ стихи псалмы Давидовы. Нѣкоторыя изъ благочестивыхъ его стихотвореній удачны (какъ напр. „Завтра, завтра въ домъ Закхея Гость Таинственный придетъ“...), но позднѣе Глинка вдался въ поэзію мистическую и написалъ поэму „Таинственная капля“ (это капли млека Пресвятой Богородицы), очень немногимъ извѣстную, такъ какъ она была задержана духовною цензурою. Князь Вяземскій рассказывалъ, что, ѣдучи съ Государемъ и Государыней изъ Петербурга по Николаевской ж. д., на станціи въ Твери, увидавъ въ многочисленной народной толпѣ Глинку, онъ поспѣшилъ извлечь изъ моря народнаго эту каплю и поднесъ ее Государынѣ Императрицѣ. Надо замѣтить, что Глинка былъ необыкновенно малаго роста. Онъ скончался въ Твери въ глубочайшей старости, такъ что его еще при жизни звали въ печати покойникомъ. Судьбою и нравомъ не походилъ онъ на брата своего, тоже дѣятеля двѣнадцатаго года. издателя „Русскаго Вѣстника“ и сочинителя любопытнѣйшихъ Записокъ.

Романсъ Ө. Н. Глинка: „Вотъ мчится тройка удалая“ сдѣлался общенароднымъ; кажется и теперь еще поютъ его. П. Б.

*

A. Gratieux. Un poète' slavophile. A. S. Khomiakof. 1804—1860.

Extrait de la Revue de l'Institut Catholique de Paris. 1909. Librairie V-ve Charles Poussielgue. Rue Cassette 15. Paris. 8-ка, 32 стр.

Мы обрадованы появленіемъ въ свѣтъ этой брошюры по ея сочувственному отношенію къ нашему Алексѣю Степановичу. Г. Грасьѣ опровергаетъ превратное мнѣніе о Славянофилахъ.

Хомяковъ, ученикъ аббата Буавень, писалъ на прекрасномъ Французскомъ языкѣ свои богословскія сочиненія, нѣсколько извѣстныя во Франціи; но съ другими его произведеніями и со стихами Французы почти совсѣмъ не знакомы.

Вотъ что говоритъ онъ: „На нихъ охотно смотрять черезъ призму предосужденія западниковъ; ихъ разсматриваютъ какъ фанатиковъ, поклонниковъ стараго варварства, до крайности дикихъ приверженцевъ руссификаціи, жаждущихъ задунить всѣ чуждыя народности... Не предпринимая прямого и полного опроверженія всѣхъ этихъ предубѣжденій, скажемъ, что ничто не оглашено столь поверхностнымъ образомъ какъ Русская душа, тѣ идеи, при которыхъ она слагалась, и въ частности великое Славянофильское движеніе“.

Предваривъ изображеніемъ окруженіе Алексѣя Степановича, авторъ знакомитъ читателя съ творчествомъ Хомякова и приводитъ многіе стихотворные переводы его стиховъ; но бѣдный языкъ Французскій безсилень ихъ передать, и намъ вспоминается сравненіе языковъ Французскаго съ Русскимъ, которое находимъ у Екатерины Великой въ одномъ изъ ея писемъ къ Гримму. Государыня называетъ Русскій языкъ прекраснымъ юношей, у котораго здоровье прыщеть съ лица, а языкъ Французскій тощимъ щеголемъ, въ которомъ все искусственно. Но нѣкоторые переводы у г. Грасьё удачны. Вотъ напримѣръ.

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночью,
 Москва ждала, и часъ святой насталъ:
 И мощный звонъ промчался надъ землею,
 И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
 Пѣвучіе, серебряные громы
 Сказали вѣсть святаго торжества,
 И слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
 Подвиглася великая Москва.
 Все тотъ же онъ; ни нашего волненья,
 Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
 Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
 Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поётъ—
 Свободы пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
 Мы слушаемъ, но какъ внимаемъ мы?
 Сгибаются-ль упрямыя колѣна?
 Смиряются-ль кичливые умы?
 Откроемъ-ли радушныя объятія
 Для страждущихъ, для меньшей брати всей?
 Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
 Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй.

Переводъ.

Dans le silence, sous le manteau de la nuit,
 Moscou attendait, et l'heure sainte arriva,
 Et la sonnerie puissante se précipita sur la terre,
 Et l'air tout entier se mit à vibrer et à frémir.
 Puissantes comme le tonnerre, les mélodies argentines
 Redirent la nouvelle de la sainte solennité.
 A leur voix bien connue
 La grande Moscou s'ébranla.
 C'est toujours la même voix. Et nos agitations,
 Et les soucis auxquels nous attachons une mesquine grandeur
 Lui sont inconnus: messagère de la Rédemption,
 Elle nous redit, des hauteurs, toujours le même chant,
 Un chant de liberté, un chant de captifs délivrés.
 Nous l'entendons, mais comment l'écoutons-nous?
 Est-ce que les genoux orgueilleux se fléchissent?
 Est-ce que les esprits présomptueux s'humilient?
 Ouvrons-nous les bras de notre âme
 Pour nos jeunes frères, pour nos frères souffrants?
 Nous souvenons-nous seulement de ce qu'est ce nom de frères,
 Le plus cher, le plus saint de tous les noms terrestres?

Или еще:

Труженикъ.

По жесткимъ глыбамъ сорной нивы,
 Съ утра, до истощенья силъ,
 Довольно, пахарь терпѣливый,
 Я плугъ тяжелый свой водилъ.
 Довольно дикою враждою
 И злымъ безумьемъ окружень,
 Боролся крѣпкой я борьбою....
 Я утомленъ, я утомленъ!
 Пора на отдыхъ. О, дубравы!
 О, тишина полей и водъ!
 И надъ оврагами кудрявый
 Вѣтвей сплетающихся сводъ!
 Хоть разъ одинъ въ тѣни отрадной,
 Склонившись къ звонкому ручью,
 Хочу всей грудью, грудью жадной,
 Вдохнуть вечернюю струю!
 Стереть бы потъ дневного зноя!

Стряхнуть бы грузъ дневныхъ заботъ!..
 „Безумецъ! Нѣтъ тебѣ покоя;
 Нѣтъ отдыха: впередъ, впередъ!
 Взгляни на ниву: пашни много,
 А дня немного впереди,—
 Вставай же, рабъ лѣнивый Бога,
 Господь велить: иди, иди!
 Ты купленъ дорогой цѣною,
 Крестомъ и кровью купленъ ты.
 Сгибайся-жь, пахарь, надъ браздою!
 Борись, борець, до поздней тьмы?“
 Предъ словомъ грознаго призванья
 Склоняюсь трепетнымъ челомъ,
 А ты безумнаго роптанья
 Не помяни въ судѣ Твоемъ!
 Иду свершать, въ трудѣ и потѣ,
 Удѣлъ назначенный Тобой,
 И не сомкну очей въ дремотѣ,
 И не ослабну предъ борьбой.
 Не брошу плуга, рабъ лѣнивый,
 Не отойду я отъ него
 Покуда не прорѣжу нивы
 Господь, для сѣва Твоего.

Переводъ.

Le long des rudes glèbes de la jachère en friche,
 Depuis le matin, jusqu'à l'épuisement de mes forces,
 J'ai, laboureur patient.
 Assez mené ma pesante charrue.
 Entouré d'âpre inimitié
 Et de sottise méchante.
 J'ai assez soutenu de lutttes acharnées,
 Je suis fatigué, fatigué.
 Il est temps de respirer. O bocage.
 O calme des champs et des eaux,
 O voûte des branches enlacées
 Capricieusement au-dessus des ruines!
 Une fois seulement, sous l'ombre délicieuse.
 Penché sur le ruisseau à l'onde sonore,
 Je voudrais de toute ma poitrine, ma poitrine altérée,
 Aspirer le frais courant du soir;
 J'aimerais essuyer la sueur d'une journée brûlante,
 Secouer le fardeau des soucis du jour.

„Insensé! Il n'est point pour toi de repos,
 Point de répit. En avant! En avant!
 Regarde la jachère: il reste beaucoup à laboureur,
 Et il ne reste guère de jour.
 Debout, serviteur paresseux de Dieu!
 C'est l'ordre du Seigneur: Marche! Marche!
 Tu as été acheté à grand prix,
 Acheté par la croix et par le sang.
 Courbe, toi, laboureur, sur le sillon!
 Lutte, lutteur, jusqu'à la pleine nuit!“
 Devant la voix du redoutable appel,
 Je m'incline d'un front tremblant
 Mais toi, de mes murmures insensés,
 Ne te souviens pas dans ton jugement!
 Je vais accomplir, dans le travail et la sueur,
 La tâche que tu m'as assignée:
 Je ne fermerai pas mes yeux ensommeillés,
 Je ne faiblirai pas devant la lutte.
 Je ne laisserai pas la charrue, serviteur paresseux,
 Et je ne fuirai pas loin d'elle,
 Jusqu' à ce que j'aie ouvert la jachère,
 O Seigneur, pour recevoir ta semence.

*

Канцлеръ князь А. М. Горчаковъ, когда прошли слухи, что онъ оставяетъ свою должность и что этому повѣрилъ въ Москвѣ А. С. Хомяковъ, послалъ ему, вмѣсто опроверженія, эти стихи. П. Б.

Господинъ Грасьѣ былъ въ Москвѣ въ недавнее время, уже послѣ того какъ поправленъ памятникъ на могилѣ Гоголя. Онъ сообщаетъ по преданію, что два брата Хомякова, Фѣдоръ и Алексѣй, будучи еще мальчиками, мечтали принять участіе въ великой борьбѣ съ Наполеономъ. Послѣ сраженія при Ватерлоо Фѣдоръ спросилъ Алексѣя: съ кѣмъ же будемъ мы теперь драться?—„Я подыму Славянъ“ отвѣчалъ Алексѣй.

Въ заключеніе г. Грасьѣ пишетъ, что извѣстный своимъ благотворительнымъ учрежденіемъ въ Черниговской губерніи Неплюевъ любилъ разсказывать какъ началось въ немъ почитаніе Хомякова. Онъ привезъ издателю „Р. Архива“ Записки своего предка Ив. Ив. Неплюева, знаменитаго Петровскаго дѣятеля и взамятъ ихъ получилъ нѣсколько годовыхъ изданій „Р. Архива“, къ которымъ издатель приложилъ небольшую книжку стихотвореній Алексѣя Степановича, при чемъ сказалъ, что въ этой книжкѣ найдетъ онъ для себя болѣе нежели во всемъ „Р. Архивѣ“. У себя въ Ямполѣ Неплюевъ поставилъ Хомякову памятникъ. П. Б.